Международные процессы, Том 16, № 4 (55), сс. 6–19
DOI 10.17994/IT.2018.16.4.55.1

ТОРГОВЛЯ РОССИИ С АФРИКОЙ

НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ «ВОЙНЫ САНКЦИЙ»

АЛЕКСЕЙ КУЗНЕЦОВ
Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия

Резюме

Статья посвящена анализу динамики и структуры российской внешней торговли с Африкой в 2013–2017 годах. Выявлено, что быстрый прирост внешнеторгового оборота с Россией обеспечили в основном несколько стран Северной Африки. На примере трёх десятков государств Африки показано, что рост товарооборота сопровождается большими колебаниями год от года в российском экспорте – по причине нестабильных поставок военно-технической продукции, а также зерна, удобрений, чёрных металлов и т.д. (причём почти у каждой страны своя специфика). Экспорт России в Африку в 2017 г. был в 5,6 раза больше импорта страны из Африки. В первой двадцатке поставщиков из Африки в Россию находятся 6 стран, которые не входят в 20 ведущих покупателей российских товаров, причём поставки Габона в Россию превзошли встречный товарный поток почти в 46 раз, Замбии – в 33 раза, Зимбабве – в 20 раз и т.д. Это означает, что российские производители до сих пор не освоили рынки многих стран, способных предъявлять платёжеспособный спрос на импортные товары. Отчасти это обусловлено низкой конкурентоспособностью российской продукции или отсутствием производства необходимых африканцам товаров в России, но также и неумением оттеснять поставщиков из Китая, США, бывших европейских метрополий, а иногда и из соседних африканских стран. Новизна исследовательского подхода состоит в анализе изменений в торговых связях России с Африкой с точки зрения прямого и косвенного воздействия «войны санкций» со странами Запада и конкурентного давления со стороны Китая. В целом наблюдается инерционность российского бизнеса, который только сейчас начинает рассматривать интенсификацию связей с Африкой как вариант адаптации к «войне санкций» с Западом. При этом повышение ценовой конкуренции российских промышленных товаров из-за девальвации рубля и увеличения импорта африканских овощей и фруктов оказали небольшое влияние на рост российско-африканской торговли на фоне интенсификации военно-технического сотрудничества, роста поставок российского зерна и даже произведённых в России легковых автомобилей (в том числе иномарок).

Ключевые слова:

внешняя торговля России; динамика и структура экспорта и импорта; российско-африканские экономические связи; последствия «войны санкций»; страны Африки.

*Статья подготовлена по гранту РНФ №17-78-20216 в ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.05.2018
Дата принятия к публикации: 10.12.2018

Для связи с автором / Corresponding author:
Email: kuznetsov_alexei@mail.ru

Политологи любят рассуждать о полицентричном мире. В России отход от, казалось бы, установившейся после «холодной войны» однополярности в международных отношениях приветствуется особо, так как только при ослаблении гегемонии евроатлантических стран в международных процессах возможна заметная самостоятельная роль и нашей страны. Данные политологические работы, однако, во многом лишены конкретики. Например, модные рассуждения о развороте России на Восток обычно не сопровождаются даже уточнением, понимается под ним переориентация на Китай или в целом на Ближний Восток, Южную, Юго-Восточную и Восточную Азию? Или же речь идёт вообще о более логичной в условиях конфронтации Москвы с США и ЕС приоритезации внешних связей со всеми странами глобального Юга, а может, и «иного Запада» (к которому следует относить таких участников ОЭСР, как Япония, Южная Корея, Мексика, Чили).

Более того, «слабым звеном» научных публикаций нередко оказывается изучение только внешнеполитических аспектов в отрыве от экономики. Ведь и возвышение в мировой политике «группы двадцати», и особая роль БРИКС (при всех объективных противоречиях между формирующими это объединение странами) обусловлены в немалой степени растущим экономическим весом незападных стран. В этой связи отсутствие в анализе конкретных статистических данных, касающихся как недавних изменений в структуре российских внешнеэкономических связей, так и общих сдвигов, происходящих в XXI веке в мировом хозяйстве, не позволяет дать корректный ответ на вопрос, происходит ли в принципе разворот на Восток (или Восток и Юг). Если же он всё-таки начался, то какова его скорость (в том числе относительно общего повышения внимания ведущих держав к странам глобального Юга), а также каковы пределы такого разворота в обозримой перспективе. Скорее всего, ни один серьёзный специалист по российским внешнеэкономическим связям не будет утверждать, что роль ЕС или США как партнёров России может свестись к ничтожным величинам или что снижение удельного веса тех же европейских стран до 30–35% будет однозначно свидетельствовать о реальном «отворачивании» Москвы от Запада.

В этой связи в данной статье мы провели анализ российских торговых отношений с Африкой как наиболее динамичной частью глобального Юга (или Востока в его широком понимании). Этот регион намного реже рассматривается в качестве замены западным партнёрам для России по сравнению с Китаем или другими странами Восточной, Юго-Восточной, Южной Азии. В то же время если мы говорим не о буквальной замене одних стран-партнёров на других, а о смещении приоритетов, то анализ российско-африканских связей оказывается весьма уместным. В первой части статьи мы показываем общую картину российской торговли с Африкой, предваряя её обзором того, как в научной литературе она представлялась до сих пор. Во второй части мы указываем на большие контрасты между странами – к сожалению, сейчас всё чаще из-за утери страноведческих компетенций даже на примере ЕС отечественные исследователи смотрят на регион в целом, а не на отдельные государства-партнёры. В результате о многих способах расширения российского присутствия за рубежом просто забывают. Так и в случае с Африкой в действительности есть огромные нереализованные возможности развития Россией экономических контактов при общем стремительном росте интенсивности торговли благодаря нескольким основным странам-партнёрам (в основном арабским). В третьей части мы показали, что повышение внимания к Африке в России до сих пор не изменило в целом маргинального положения нашей страны на Африканском континенте – по крайней мере на фоне Китая и наиболее значимых членов ЕС.

1

В России традиционно преобладает европоцентричный взгляд на внешнюю торговлю страны. С одной стороны, это объяснимо, так как даже после развернувшейся

«войны санкций» с Западом доля ЕС в товарообороте России (которая сама является европейской страной) составила почти 45%, а в целом на Европу и азиатскую часть СНГ приходится около 58% (данные 1-го квартала 2018 г.). С другой стороны, внимание к соседям и наиболее развитым странам Запада не должно заслонять динамическое развитие других регионов, прежде всего африканского. Между тем в регулярно публикуемой Федеральной таможенной службой России обобщённой статистике по семидесяти двум странам Африку представляют только Египет и ЮАР[1]. Данные по остальным российским партнёрам в регионе раскрываются в других источниках, но из легко доступной информации нельзя узнать, что Алжир по товарообороту с Россией, например, сопоставим с приводимыми в публикациях ФТС Австрией или Данией, а Марокко – с Норвегией или Ирландией. Ориентация российской статистики на Запад впечатляет – например, впереди маленького Люксембурга или далёкой Новой Зеландии (о которых ФТС России неизменно сообщает в обзорных материалах) по величине товарооборота с Россией в 2017 г. находилось соответственно 10 и 8 стран Африки!

В этой связи в данной статье мы покажем детальную динамику торговли по большому числу африканских стран. При этом наша основная цель – проанализировать, как меняется роль Африки в российской внешней торговле именно в условиях противостояния с Западом. Особое внимание обращено на изучение вопроса, насколько успешен разворот России в Африку при наличии многих конкурентов, включившихся в «новый раздел» региона.

Пренебрежение Африкой в статистических публикациях не должно создавать ложного впечатления, что российско-африканская торговля слабо изучена. Напротив, в последние годы появилось большое число научных публикаций, в особенности подготовленных сотрудниками Института Африки РАН. Среди этих работ есть и книги [Африка... 2016], и немало журнальных статей (среди свежих работ – [Абрамова, Фитуни 2017], [Морозенская 2017]). Более того, о необоснованно низкой с точки зрения роли Африки во внешней торговле России учёные писали ещё в середине прошлого десятилетия. В частности, подчёркивалась роль Африки как целевого рынка для российских несырьевых товаров [Лопатов 2006]. Исследователи-африканисты объясняют и то, почему именно с учётом внешнеполитических обстоятельств Москве необходимо как можно быстрее реагировать на повышающуюся роль континента в мировой экономике, на его многообещающие перспективы [Абрамова, Фитуни 2015].

Другое дело, что в работах африканистов часто недооценивается инерция российского бизнеса. Достаточно сказать, что отечественные компании редко выбирают, поставлять ли им свою продукцию в ту или иную страну Африки, осуществлять им зарубежные инвестиции в Африке сейчас или спустя десятилетие. На практике возникшие трудности с ведением бизнеса в странах Запада побуждают российских экспортёров и инвесторов не стремительно разворачиваться на Восток (или на Юг), а искать формы адаптации к новым видам протекционизма развитых стран либо вообще сворачивать заграничную деятельность. Конкуренция с китайским бизнесом на территории развивающихся стран россиян часто просто пугает, а освоение сложных в культурном и политическом отношении рынков Африки многими отечественными компаниями не рассматривается среди возможных стратегий на ближайшее будущее. Не случайно разворот на Восток (в Африку, равно как и Азию) в российских прямых инвестициях происходит очень медленно [Kuznetsov, 2017].

Ситуация по отдельным отраслям заметно различается. Есть немало примеров российской активности в нефтегазовой отрасли [Лопатов 2008], но речь идёт в первую очередь об инвестициях ведущих российских

[1] См., например, ежемесячные материалы «Внешняя торговля Российской Федерации по основным странам и группам стран» (http://customs.ru).

транснациональных корпораций с целью диверсификации собственной географии добычи, а не налаживании поставок сырья в Россию (как в случае бедных сырьём европейских стран-инвесторов). Более того, участие российского бизнеса преимущественно в совместных с ТНК третьих стран проектах несильно влияет на поставки оборудования в Африку из самой России. Куда большие перспективы для развития торговли с регионом имеют высокотехнологичные сектора, что и отражено в публикациях отечественных исследователей. Например, энергетический дефицит во многих странах Африки создаёт большой потенциал для строительства АЭС, в том числе с помощью российских компаний. О планах развития атомной энергетики более или менее определённо заявили 16 африканских государств, хотя лишь в трети из них предприняты какие-то практические шаги (но в половине из них Россия на рынке не присутствует) [Корендясов 2016]. Широкие возможности для отечественных компаний открывает и динамичный рынок телекоммуникаций в регионе, особенно в условиях, когда в более развитых странах уже произошло насыщение спроса на мобильную телефонную связь и доступ к сети Интернет [Новикова 2017]. Значительный вклад в российский экспорт в Африку традиционно вносит военно-техническое сотрудничество. Можно вспомнить, что СССР поставлял вооружение и военную технику в 21 страну континента, а его доля в общем объёме импорта оружия африканскими странами в период 1967–1976 годов достигала 40%. В 1990-х годах по ряду объективных и субъективных причин присутствие России на региональном рынке оружия сократилось, но с середины прошлого десятилетия начался возврат утраченных позиций. Наибольшие перспективы открываются в странах Африки южнее Сахары [Корендясов 2015a].

Говоря о возможностях российских экспортёров на континенте, нельзя сбрасывать со счетов обострившуюся конкуренцию с компаниями не только из развитых, но и многих развивающихся стран, прежде всего Китаем [Дейч 2015]. Торговая конкуренция часто ведётся с использованием инвестиций и других форм внешнеэкономических связей, использованием политического фактора. Основная часть научных работ по этой теме (например, [Корендясов 2015b], [Трофимова, Щедрин 2015]) пока не охватывает период санкционного противостояния России и Запада. Хотя о необходимости развивать новые направления внешнеэкономических связей как ответе на «войну санкций» с ЕС и США отечественные эксперты уже пишут [Абрамова, Фитуни 2016]. Возможности возвращения Москвы в Африку изучают и за рубежом, поскольку она становится важным конкурентом тем игрокам, которые заняли пустовавшие экономические ниши в 1990-х – начале 2000-х годов. Речь идёт как о совместных работах западных и российских экспертов [Olivier & Suchkov, 2015], так и о собственных публикациях зарубежных специалистов, в том числе представляющих развивающиеся страны [Fidan, Aras 2010].

Комплексный подход к развитию сотрудничества с Африкой – единственная перспективная стратегия укрепления торгово-инвестиционных связей в нынешних условиях. Отечественные специалисты предлагают выработку чёткой государственной политики России на африканском направлении, разработку механизмов согласования интересов государства и частного бизнеса, а также системы политико-дипломатической, кредитно-финансовой, правовой и информационной поддержки компаний со стороны правительства, укрепление «мягкой силы» Российской Федерации в Африке [Абрамова 2017]. Отдельные конкретные рекомендации содержатся и в значительном массиве обычно небольших работ по связям России с отдельными странами (написанных как достаточно известными специалистами [Жерлицына 2016], так и африканскими аспирантами [Бамба 2017]) либо с целыми субрегионами [Володина 2017].

Вместе с тем на практическом уровне пока мало что делается. В таких условиях ожидать, что «война санкций» с Западом автоматически приведёт к радикальному повышению роли Африки во внешней тор-

говле России нельзя, хотя статистика показывает, что некоторые сдвиги действительно уже происходят.

2

Товарооборот России со странами Африки к 2017 г. вырос по сравнению с 2013 г. на 75,5% до почти 17,5 млрд долларов[2] (табл. 1). Более того, на фоне крайне нестабильных совокупных отечественных показателей внешней торговли товарами доля региона неуклонно росла, увеличившись с 1,2% в 2013 г. до почти 3% в 2017 году. Вместе с тем в значительной мере прирост внешнеторгового оборота с Россией обеспечили несколько арабских стран Северной Африки. Доля основной шестёрки, включая Судан, увеличилась с 68,8 до 79,7% даже при том, что в Ливии развернулась гражданская война, следствием чего стало почти трёхкратное сокращение товарооборота с нашей страной. Египет, Алжир и Марокко почти все годы занимают три лидирующие позиции среди торговых партнёров России в Африке (исключением стал 2014 год, когда Алжир опустился на четвёртое место, а ЮАР поднялась на третье).

Наибольший рост товарооборота с Россией к 2017 г. по сравнению с 2013 г. в абсолютном выражении зафиксирован для Египта (на 3,8 млрд долларов), Алжира (на 3,0 млрд), Судана (на 0,3 млрд) и Сенегала (на 0,2 млрд). В то же время товарооборот с Марокко колебался вокруг уровня 1,0–1,5 млрд долларов, а с ЮАР и Ливией даже сократился (у каждой страны более чем на 0,2 млрд долларов). Для Ливии это означало падение с пятого места среди африканских партнёров России в 2013 г. до семнадцатого в 2016-м и тринадцатого в 2017-м (см. табл. 1).

Есть страны, чей удельный вес в африканской торговле России (при росте в абсолютных объёмах) за годы санкционного противостояния нашей страны с Западом заметно сократился, – среди них Нигерия и Танзания. Несколько стран показали впечатляющий рост показателей, однако в целом сохраняется нестабильность в торговле товарами России с большинством контрагентов в Африке. Это хорошо видно по месту отдельных государств среди африканских партнёров России. Например, Судан занимал шестое место в 2017 г. и восьмое место в 2014-м, но был лишь тринадцатым как в 2013-м, так и в 2015-м. Ещё более впечатляющей иллюстрацией служит Ангола – после пятнадцатого места в 2013 г. она опустилась на девятнадцатое в 2014-м, поднялась на восьмое в 2015-м и шестое в 2016-м, а затем вновь оказалась лишь на четырнадцатом месте в 2017-м. В том же году Мали занял пятнадцатое место после двадцать восьмого в 2016-м и тридцать третьего в 2014-м. Есть примеры Того (четырнадцатое место в 2013 г. и двенадцатое в 2015-м, но только двадцать пятое в 2016-м), Руанды (шестнадцатое место в 2015 г. и двадцать девятое на следующий год) или Джибути (девятнадцатое – двадцать первое места в 2014–2016 годах, но лишь тридцать первое по итогам 2017), не говоря о Намибии – с двадцатого места в 2015 г. страна скатилась на сорок третье место в 2017-м.

Большие колебания в масштабах товарных поставок нередко связаны с военно-техническим сотрудничеством. Самый яркий пример Алжир – экспорт по секретному коду из России в 2013 г. составил 527 млн долларов, а по всем другим товарам 1058 млн, на следующий год – соответственно лишь 81 млн и 794 млн, в 2015 г. – 907 млн и 1084 млн, в 2016 г. – 1875 млн и 2091 млн, в 2017 г. – 2742 млн и 1879 млн. Таким образом, разброс поставок в рамках секретного кода за 5 лет составил почти 34 раза, а по остальной номенклатуре – только 2,6 раза (колебания были связаны с экспортом прежде всего гражданской машиностроительной продукции, включая

[2] В отдельные годы не приводится статистика по нескольким странам с минимальным товарооборотом: так, за 2017 г. есть данные по 48 государствам, тогда как отсутствуют цифры по Сомали, Южному Судану и ещё 8 странам и территориям. Однако оценка автора по международной статистике (https://www.trademap.org – там есть проблемы с учётом лишь поставок из России по секретному коду) показывает, что в итоге показатель ФТС России по Африке в целом занижен менее чем на 3 млн долл.

Таблица 1

Изменение значения африканских партнёров в товарной торговле России

Страна	**Товарооборот, млн долл.**					**Доля в торговле России с Африкой, %**	
	2013	**2014**	**2015**	**2016**	**2017**	**2013**	**2017**
Весь мир	841 274	784 503	526 414	468 101	585 231	–	–
Африка в целом	9938,7	12 207,8	11 132,1	13 778,3	17 445,5	100,0	100,0
Доля в торговле России с Африкой, %	***1,18***	***1,56***	***2,11***	***2,94***	***2,98***	**–**	**–**
6 ведущих партнёров в Северной Африке	*6837,4*	*8954,5*	*7790,8*	*10 193,6*	*13 901,3*	*68,8*	*79,7*
Остальные страны	*3101,3*	*3253,3*	*3341,3*	*3584,7*	*3544,2*	*31,2*	*20,3*
20 лидеров (на данный год)	**9707,4**	**11 869,6**	**10 729,0**	**13 454,3**	**17 042,1**	**97,7**	**97,7**
Египет	*2945,8*	*5478,7*	*4089,4*	*4158,6*	*6723,0*	*29,6*	*38,5*
Алжир	*1589,6*	*885,0*	*1997,4*	*3971,6*	*4630,3*	*16,0*	*26,5*
Марокко	*1425,5*	*1541,0*	*1014,5*	*1291,8*	*1463,1*	*14,3*	*8,4*
ЮАР	1068,1	976,5	836,2	717,9	832,0	10,7	4,8
Тунис	*361,4*	*531,0*	*367,0*	*466,0*	*511,1*	*3,6*	*2,9*
Судан	*128,6*	*296,3*	*139,1*	*231,9*	*438,6*	*1,3*	*2,5*
Нигерия	299,1	368,1	307,6	394,5	430,9	3,0	2,5
Кения	330,4	370,1	332,6	267,1	338,3	3,3	1,9
Сенегал	50,3	95,8	56,4	82,6	261,2	0,5	1,5
Кот-д'Ивуар	262,4	278,3	234,0	303,3	235,1	2,6	1,3
Гана	162,8	162,8	215,5	259,5	210,7	1,6	1,2
Танзания	168,3	154,2	136,6	127,7	198,0	1,7	1,1
Ливия	*386,5*	*222,5*	*183,4*	*73,7*	*135,2*	*3,9*	*0,8*
Ангола	95,4	58,1	243,9	567,9	119,7	1,0	0,7
Мали	20,7	6,6	6,3	17,8	100,4	0,2	0,6
Мозамбик	131,5	92,6	109,7	75,1	92,3	1,3	0,5
Уганда	39,7	64,9	64,8	43,2	91,1	0,4	0,5
Эфиопия	68,6	77,0	42,0	215,2	89,1	0,7	0,5
Малави	63,7	91,1	77,5	76,0	75,3	0,6	0,4
Камерун	26,3	31,1	18,6	50,5	66,7	0,3	0,4
Того	98,0	69,5	170,6	23,2	56,6	1,0	0,3
Зимбабве	24,6	42,1	45,4	67,0	53,1	0,2	0,3
Габон	<1	<1	1,0	29,1	47,7	0,0	0,3
Мавритания	31,7	35,4	31,1	34,7	26,5	0,3	0,2
Конго	9,4	11,6	15,1	8,2	22,8	0,1	0,1
Руанда	8,5	53,1	96,9	14,8	22,7	0,1	0,1
Ботсвана	17,2	6,7	22,6	21,3	18,7	0,2	0,1
Дем. Респ. Конго	5,1	22,1	40,5	22,5	18,5	0,1	0,1
...							
Джибути	0,7	56,1	52,0	56,4	17,1	0,0	0,1
Намибия	13,7	6,0	55,9	24,1	2,0	0,1	0,0

Составлено автором на основе статистики ФТС России (ежегодные бюллетени «Таможенная статистика внешней торговли Российской Федерации» за 2013–2017 гг., таблица 4 – http://stat.customs.ru).

транспортные средства, а в 2017 г. также чёрных металлов)[3].

Другой иллюстрацией служит Эфиопия. В 2015 г. экспорт России составил менее 18 млн долларов, на следующий год уже 194,5 млн, а в 2017 г. лишь 61,4 млн. Это объясняется тем, что поставки в Эфиопию по секретному коду в 2016 г. достигли 152,8 млн долларов (против 0,3 млн в 2015-м и нулевого уровня в 2017-м). Правда, в 2016 г. также поставлялись в больших объёмах, нежели обычно, злаки (зерно) и минеральные удобрения. Сохранение довольно высокого уровня экспорта из России в 2017 г. обеспечил нетипичный для Эфиопии всплеск поставок средств наземного транспорта (более 42 млн долларов)[4]. Это отражает новый тренд 2016–2017 годов – наращивание экспорта отечественных автомобилей, в том числе собранных в нашей стране иномарок.

В соседнем Судане колебания российского экспорта связаны как с торговлей в рамках секретного кода, так и (даже в большей мере) с поставками зерна[5]. Похожая ситуация и в Египте: из России поступает преимущественно военно-техническая продукция, гражданские машиностроительные товары, продовольствие, чёрные металлы, но именно поставки по секретному коду отличаются сильнее всего год от года[6]. В ещё большей мере колебания российского экспорта связаны с торговлей военно-технической продукцией у Анголы, хотя в 2015–2017 годах также наблюдались значительные, но нестабильные по объёму поставки разнообразной гражданской машиностроительной продукции[7].

Вместе с тем для ряда стран Африки колебания объёмов экспорта из России никак не связаны с машиностроительным комплексом (военным или гражданским). В частности, в соседнем с Эфиопией Джибути превосходившие 50 млн долларов поставки в 2014–2016 годах во многом были обусловлены поставками минеральных удобрений и зерна[8]. В Ливии колебания последних лет связаны прежде всего с объёмами поставок злаков (хотя в 2013–2015 имели место крупные партии чёрных металлов, а в 2013–2014 также и углеводородов)[9]. Иной иллюстрацией служит Того, где волатильность в отечественном экспорте была связана с динамикой торговли углеводородами. Импорт из этой страны по сути прекратился в 2015 году, поскольку сначала Россия прекратила закупать какао-бобы (в 2013), а через год и стройматериалы[10] (товарная группа 661, включающая цемент и другие стройматериалы, – одна из основ международной специализации Того).

Если посмотреть отдельно масштабы экспорта (табл. 2) и импорта России из разных африканских государств, а также структурные сдвиги, то впечатление от нестабильности торговых отношений только усилится. По итогам 2017 г. экспорт России в Африку превысил 14,8 млрд долларов, оказавшись, таким образом, в 5,6 раза больше импорта из этого региона. При этом 73,2% российских товаров купили

[3] Динамика торговли России с Алжиром в 2010–2017 годах. Обзор 13.03.2018 (http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2018-03/dinamika-torgovli-rossii-s-alzhirom-v-2010-2017-godah/). Заметим, однако, что в секретный код включается не только военно-техническая продукция.

[4] Динамика торговли России с Эфиопией в 2010–2017 годах. Обзор 13.03.2018 (http://russian-trade.com).

[5] Динамика торговли России с Суданом в 2010–2017 годах. Обзор 13.03.2018 (http://russian-trade.com).

[6] Динамика торговли России с Египтом в 2010–2017 годах. Обзор 13.03.2018 (http://russian-trade.com).

[7] Динамика торговли России с Анголой в 2010–2017 годах. Обзор 13.03.2018 (http://russian-trade.com).

[8] Динамика торговли России с Джибути в 2010–2017 годах. Обзор 13.03.2018 (http://russian-trade.com).

[9] Динамика торговли России с Ливией в 2010–2017 годах. Обзор 13.03.2018 (http://russian-trade.com).

[10] Динамика торговли России с Того в 2010–2017 годах. Обзор 13.03.2018 (http://russian-trade.com).

Египет и Алжир, удельный вес которых в российской внешней торговле заметно вырос по сравнению с 2013 г. (см. табл. 2). На первые 20 реципиентов пришлось 98,6% экспорта (примечательно, что показатель замыкающего этот список Кот-д'Ивуара составил 54,6 млн долларов, а следующего за ним Конго – лишь 22,6 млн).

Лишь с двумя странами из первой двадцатки – находящейся на восьмом месте ЮАР и Кот-д'Ивуаром Россия имеет отрицательное сальдо стоимости товарных поставок. Экспорт России менее чем вдвое превосходит импорт лишь с Кенией, Марокко и Ганой, менее чем вчетверо – с Эфиопией, Угандой, Тунисом, Танзанией и Мозамбиком. Для остальных 10 основных получателей российских товаров в Африке в 2017 г. торговля была по сути односторонним движением – разрыв составил от 8,6 раза для

Таблица 2

Роль российского экспорта в импортных закупках ряда африканских государств

Страна	Место в экспорте России в Африку в 2017	Экспорт, млн долл.			Сальдо торговли для России в 2017, млн долларов	Импорт страны в 2017, млн долларов	Доля России в импорте, %	
		2013	2016	2017			2013	2017
Египет	1	2503,7	3784,4	6217,4	5711,8	61 627,0	3,7	10,1
Алжир	2	1584,8	3963,4	4621,2	4612,1	46 129,0	2,9	10,0
Марокко	3	860,0	724,8	894,9	326,6	44 924,4	1,9	2,0
Судан	4	127,2	231,6	437,8	437,0	6117,3	1,3	7,2
Нигерия	5	267,9	379,9	385,9	341,0	45 000,0	0,5	0,9
Тунис	6	224,4	355,6	375,5	239,8	20 653,7	0,9	1,8
Сенегал	7	47,3	76,9	254,4	247,5	6701,1	0,7	3,8
ЮАР	8	286,3	196,1	203,8	–424,4	101 338,6	0,2	0,2
Кения	9	195,8	129,5	201,3	64,2	16 686,9	1,2	1,2
Танзания	10	100,0	79,1	149,8	101,7	9931,9	0,8	1,5
Ливия	11	386,5	73,7	135,2	135,2	11 700,0	1,4	1,2
Гана	12	68,8	202,2	135,0	59,3	12 588,5	0,4	1,1
Ангола	13	95,2	567,9	119,7	119,6	19 495,2	4,5	0,6
Мали	14	20,6	17,1	94,1	87,7	4732,4	0,5	2,0
Мозамбик	15	78,7	41,2	70,9	49,5	5701,7	0,8	1,2
Уганда	16	24,7	28,4	63,2	35,2	5438,9	0,4	1,2
Камерун	17	18,9	46,7	62,5	58,3	5280,9	0,3	1,2
Эфиопия	18	46,2	194,5	61,4	33,8	16 288,8	0,4	0,4
Того	19	83,2	23,2	56,6	56,6	2526,6	3,0	2,2
Кот-д'Ивуар	20	59,3	67,9	54,6	–125,8	9810,8	0,5	0,6
...								
Мавритания	28	15,2	24,0	14,6	2,7	2256,1	0,5	0,6
Малави	30	3,5	9,9	9,9	–55,6	2433,6	0,1	0,4
Зимбабве	36	4,6	8,6	2,5	–48,1	3900,0	0,1	0,1
Мадагаскар	38	5,2	1,7	2,2	–6,3	3959,8	0,2	0,1
Габон	43	<1	0,8	1,0	–45,7	2259,5	0,0	0,0
Замбия	46	0,2	0,6	0,3	–10,9	8723,6	0,0	0,0

Составлено автором на основе данных ФТС России (ежегодные бюллетени «Таможенная статистика внешней торговли Российской Федерации» – http://stat.customs.ru) и ВТО (Time Series – http://stat.wto.org/StatisticalProgram/WSDBStatProgramHome.aspx?Language=E).

Нигерии и 12,3 раза для Египта до более чем 500 раз для Алжира и Судана. Из Анголы, Того и Ливии поставки в Россию были ничтожными. Это не означает, однако, что такая торговля невыгодна России или не имеет стратегических перспектив – ведь многие покупатели российской продукции являются крупными экспортёрами сырья на мировые рынки, но, например, их нефтегазовые запасы России неинтересны (за пределами стратегии вложения прямых иностранных инвестиций российскими ТНК).

«Война санкций» с Западом и отчасти совпавший с этим период сравнительно низких цен на углеводороды, по-видимому, позитивно сказались на масштабах российской торговли с Африкой. *Во-первых*, повысилась ценовая конкурентоспособность отечественных промышленных товаров вследствие девальвации рубля (поскольку же доля нефтегазового экспорта из России в Африку намного ниже по сравнению с экспортом в ЕС, это дополнительно стимулировало рост удельного веса Чёрного континента в товарообороте). *Во-вторых*, введение Москвой в 2014 г. ответных мер против стран Запада открыло дополнительные возможности для поставок продовольствия из африканских стран.

Правда, влияние этого фактора для них не стоит переоценивать. Например, у Кении по сравнению с 2013 г. поставки съедобных фруктов и орехов в Россию выросли более чем в 10 раз (в основном за 2016–2017 годы). Вместе с тем даже в 2017 г. их стоимость составляла лишь 5,4% российского импорта из Кении, тогда как удельный вес кофе и чая (традиционно поступавших из этого восточноафриканского государства) достигал 51,6%[11]. Отчасти выиграли лишь арабские страны. Например, в 2017 г. в физическом выражении импорт салата-латука и цикория в Россию вернулся к уровню 2013 г. (при том что в стоимостном выражении сократился почти вдвое). За счёт вытеснения с рынка Испании и Нидерландов теперь на Северную Африку (Египет и Тунис, в меньшей степени Марокко) пришлось уже 31% поставок, тогда как в 2013 г. менее 2%. Похожая ситуация с томатами (причём от запрета на импорт в Россию продукции ЕС выгоду получили в Африке как Марокко и другие арабские страны, так и Сенегал), луком и чесноком, некоторыми другими овощами, а также отдельными видами фруктов (там в выигрыше также ЮАР)[12].

В-третьих, в ряде случаев (но далеко не везде) исчезли посредники из ЕС в цепочках поставок из африканских стран в Россию[13]. Ряд стран Западной Африки сами стали посредниками для поставок санкционных товаров[14].

Из более чем 2,6 млрд долларов российского товарного импорта из стран Африки в 2017 г. 98,8% пришлось на первую двадцатку, а доля тройки лидеров (ЮАР, Марокко и Египта – на каждого приходится свыше 0,5 млрд долларов) составила 64,4%. При этом с ЮАР у России самая диверсифицированная по структуре торговля среди африканских стран – как по импорту, так и по экспорту. Из Марокко и Египта Россия импортирует в основном продовольственные товары, а также текстиль и обувь, в Марокко поставляет преимущественно минеральные продукты, тогда как экспорт в Египет более разнообразен[15].

[11] Динамика торговли России с Кенией в 2010–2017 годах. Обзоры 13.03.2018 (http://russian-trade.com).

[12] Ежегодные бюллетени «Таможенная статистика внешней торговли Российской Федерации» за 2013–2017 гг., таблица 15 (http://stat.customs.ru).

[13] Африка увеличит прямые поставки продовольствия в Россию (http://afroforum.ru/showthread.php?1157).

[14] *Быркова Е.* Липовое эмбарго: европейская клубничка из Африки дорого обходится россиянам. 30.05.2016 (https://провэд.рф/article/34576-lipovoe-embargo-evropeyskaya-klubnichka-iz-afriki-dorogo-obhoditsya-rossiyanam.html).

[15] Динамика торговли России с ЮАР в 2010–2017 годах; Динамика торговли России с Марокко в 2010–2017 годах; Динамика торговли России с Египтом в 2010–2017 годах. Обзоры 13.03.2018 (http://russian-trade.com).

В первой десятке поставщиков из Африки в Россию находятся две страны, которые не входят в число значимых покупателей российских товаров, – Малави и Зимбабве. В первой двадцатке среди таких стран – Габон, Мавритания, Замбия и Мадагаскар. При этом у Мавритании было в 2017 г. всё же отрицательное сальдо торговли с Россией. Между тем поставки Габона в нашу страну превзошли встречный товарный поток почти в 46 раз, Замбии – больше чем в 33 раза, Зимбабве – в 20 раз, Малави – почти в 7 раз, ЮАР, Кот-д'Ивуара, Мадагаскара – более чем втрое.

Таким образом, российские производители до сих пор не освоили рынки многих африканских стран, способных предъявлять платёжеспособный спрос на импортные товары. Достаточно сказать, что из менее чем 2,5 млн долларов отечественного экспорта в Зимбабве в 2017 г. больше половины пришлось на печатные книги, газеты и другие изделия полиграфической продукции (в 2016 г. поставки из России были существенно больше за счёт торговли зерном). Сама Россия закупает в этой южноафриканской стране преимущественно табак (как и в соседнем Мозамбике, Малави, а также наряду с кофе и чаем в Танзании)[16]. Для многих государств Африки Москва выступает важным поставщиком не столько промышленных товаров, сколько сельскохозяйственной продукции.

В немалой степени это обусловлено относительно низкой конкурентоспособностью российской промышленности или отсутствием производства необходимых африканцам товаров в России вообще (например, некоторых лекарственных средств, производственного оборудования). Вместе с тем имеет место и неумение оттеснять поставщиков из Китая, США, бывших европейских метрополий, а иногда и из соседних африканских стран.

3

В настоящее время Россия не входит в число ведущих экспортёров товаров в Африку. Лишь в двух странах (Египте и Алжире) благодаря быстрому росту объёмов товарных поставок в последнее время её удельный вес в совокупном импорте достиг 10%. Среди стран Африки южнее Сахары максимальный показатель у Сенегала (3,8%). Вместе с тем для большей части африканских стран в 2014 – 2017 годах удельный вес России вырос (см. табл. 2).

Тем не менее на фоне Китая позиции Москвы очень скромные. При том что все товарные поставки России в Африку не достигли 15 млрд долларов, экспорт КНР только в десять основных региональных партнёров составил примерно 56 млрд[17]. Почти во всех этих странах Китай уже лидирует и везде без исключения входит в тройку лидеров (в частности, в Марокко он пока уступает Испании и Франции, а в Тунисе – Франции и Италии). Ведущие покупатели китайских товаров – ЮАР (15,2 млрд долларов), Алжир (8,3 млрд), Египет (8,1 млрд), Нигерия (5,4 млрд) и Эфиопия (4,9 млрд). Во всех этих странах доля КНР в совокупном импорте намного выше 10%, а в Эфиопии (которую когда-то связывали тесные связи с нашей страной) в 2017 г. удельный вес достигал 30%.

Другими конкурентами российского бизнеса в Африке выступают европейские компании. Из Германии наибольшие товарные поставки направляются в ЮАР, Египет, Алжир и другие страны Северной Африки. Из Франции – в те же страны, но первые места занимают её бывшие арабские колонии и протектораты, из Италии – также в Северную Африку и ЮАР, из Великобритании – прежде всего в крупные страны былого британского господства (ЮАР, Египет и Нигерию), из Португалии – прежде всего в Анголу, за которой с большим отрывом следует Марокко. Лишь у Испании

[16] Динамика торговли России с Зимбабве в 2010–2017 годах; Динамика торговли России с Мозамбиком в 2010–2017 годах; Динамика торговли России с Малави в 2010–2017 годах; Динамика торговли России с Танзанией в 2010–2017 годах. Обзоры 13.03.2018 (http://russian-trade.com).

[17] Trade Statistics for International Business Development (https://www.trademap.org). В этой базе данных есть пропуски по второстепенным партнёрам, поэтому общие данные по экспорту и импорту страны оказываются ниже рассчитанных ВТО и не могут использоваться для корректных сопоставлений.

важнее оказывается не колониальное прошлое, а «эффект соседства» (главные контрагенты – Марокко и Алжир), а в товарообороте Бельгии вообще лидирует Нигерия. Из азиатских стран (кроме Китая) наибольшие масштабы экспорта характерны для таких государств, как Саудовская Аравия (благодаря поставкам углеводородов), Япония, Южная Корея и Индия. Достаточно сказать, что объёмы южнокорейского экспорта в Нигерию или индийского экспорта в ЮАР почти на порядок больше российских поставок. Наконец, нельзя сбрасывать со счетов США.

В последние годы российские власти предпринимают ряд шагов для сокращения разрыва между отечественными компаниями и их конкурентами в Африке, в первую очередь путём устранения институциональных барьеров. Например, в 2009 г. подписано, а через два года вступило в силу соглашение о взаимной защите и поощрении капиталовложений с Анголой, в 2016-м заработало (подписано в 2011) соглашение с Экваториальной Гвинеей, в 2014-м заработало (подписано в 2014) соглашение с Зимбабве, ждут ратификации соглашения с Нигерией и Намибией (подписаны в 2009), Марокко (подписано в 2016).

Правда, даже в этом вопросе Африка уступает Азии. Если к настоящему времени у России действует 21 двустороннее инвестиционное соглашение с азиатскими странами (без учёта государств–членов СНГ), то с африканскими партнёрами таких соглашений только 6 (помимо трёх они действуют с Египтом, ЮАР и Ливией). По соглашениям об избежании двойного налогообложения (даже более важного для развития взаимной торговли) ситуация не лучше – у России такие соглашения в Африке есть лишь с Алжиром, Ботсваной, Египтом, Мали, Марокко, Намибией, ЮАР (всего же Москва использует такой режим с 84 странами).

Наряду с торговлей товарами нельзя забывать и о торговле услугами, потенциал которой в российско-африканских экономических связях почти не используется. Крупнейший партнёр России – Алжир, однако оборот торговли услугами с ним в 2017 г. (266,5 млн долларов) был в 17 раз меньше товарооборота. Между тем в целом по миру у России оборот торговли услугами был лишь вчетверо меньше товарооборота. В то же время торговля услугами с Алжиром по сравнению с 2013 г. выросла более чем втрое (с 83,8 млн долларов, хотя рекордным был 2016 – 280,5 млн). При этом экспорт услуг из России в эту страну (241,6 млн долларов в 2017) был намного больше импорта (24,8 млн)[18].

В тройку лидеров в Африке по масштабам торговли услугами с Россией в 2017 г. входили также Сейшельские острова и Египет – 97,9 млн и 97,1 млн долларов соответственно. Причём, несмотря на импорт россиянами туристических услуг этих стран, положительное сальдо в торговле было у Москвы (её экспорт услуг в эти страны составил соответственно 84,3 млн и 68,7 млн). В случае Египта имело место обвальное сокращение показателя из-за сворачивания туристической активности вследствие террористического акта в 2015 году. Ещё в 2013 г. оборот услугами с Россией у Египта составлял 2,6 млрд долларов, приближаясь к объёму взаимного товарооборота. Причём экспорт российских услуг был лишь 44,9 млн. Оборот с Сейшельскими островами в 2013 г. составлял 198,6 млн долларов. У Москвы было тогда отрицательное сальдо – при почти таком же экспорте, как и в 2017 (85,2 млн долларов), импорт России составлял 113,5 млн (по-видимому, основная причина падения спроса россиян на туристические услуги этого островного государства – девальвация рубля, означавшая удорожание отдыха на Сейшелах). При этом

[18] Здесь и далее: Внешняя торговля Российской Федерации услугами по основным странам-партнёрам (https://www.cbr.ru/statistics/credit_statistics/trade/64-trade_17.xlsx; https://www.cbr.ru/statistics/credit_ statistics/trade/64-trade_16.xlsx; https://www.cbr.ru/statistics/credit_statistics/trade/64-trade_13.xlsx).

Сейшельские острова выступают скорее исключением в африканской торговле: товарооборот с этой страной на порядок меньше взаимной торговли услугами.

На 4-м месте по обороту торговли услугами с Россией в 2017 г. находилась ЮАР. Показатель составил 80,1 млн долларов (против лишь 32,3 млн в 2013). Правда, рекордным, как и в случае Алжира, был 2016 год, когда Претория вышла на третье место в Африке – торговля услугами с Россией составила 92,5 млн долларов. В настоящее время ЮАР – страна с максимальным отрицательным сальдо Москвы в этом виде торговли среди африканских партнёров. Ведь российский экспорт составил в 2017 г. лишь 14,8 млн долларов. В целом же Россия заметно отстаёт по торговле услугами с Африкой от многих других крупных стран мира.

* * *

Резюмируя представленный анализ, отметим большую инерционность российского бизнеса, который только сейчас начинает рассматривать интенсификацию связей с Африкой как вариант адаптации к «войне санкций» с Западом. Разворот торговых связей в этот регион будет и впредь происходить очень медленно, если государство не предпримет ряд мер. Речь идёт и о конкретных инструментах поддержки внешнеэкономической деятельности (например, экспортные кредиты, страхование инвестиций), и о косвенном содействии внешней торговле, в том числе за счёт наращивания «мягкой силы». Например, содействовать экспорту оборудования способно серьёзное расширение масштабов подготовки кадров из африканских стран, прежде всего инженеров и других технических специалистов в отечественных вузах (коль скоро к 2025 г. в нашей стране планируют увеличить число иностранных студентов в 2,5 раза до более чем 700 тыс. человек)[19]. Кроме того, следует уходить от традиционной гигантомании, сделав ставку на экспансию в Африку российского среднего бизнеса. Отраслевая диверсификация массива средних компаний намного выше, чем у сверхкрупного бизнеса, что позволяет отечественным экспортёрам проникать в куда большее число рыночных ниш в самых разных государствах (включая малые страны, пока почти обойдённые российским вниманием). Среди прочего для этого необходимо налаживание при поддержке государства информационно-консультационной системы для российских компаний, причём с параллельным расширением подготовки специалистов-африканистов. Потенциал развития связей с регионом как субститута контактов со странами Запада не безграничен, но необходимо полностью использовать имеющиеся возможности для экономического сотрудничества с Африкой.

Список литературы

Абрамова И.О. Россия – Африка: вызовы и возможности в новых глобальных реалиях // Азия и Африка сегодня. 2017. № 12. С. 3–7.

Абрамова И., Фитуни Л. Потенциал африканского континента в стратегии развития российской экономики // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 9. С. 24–35.

Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. «Африканская деловая инициатива» – практический шаг к активному взаимодействию России и Африки // Азия и Африка сегодня. 2016. № 9. С. 2–5.

Абрамова И.О, Фитуни Л.Л. Африка и Россия: перспективы сотрудничества в новых исторических условиях // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2015. № 6. С. 141–150.

Африка и национальные интересы России / Отв. ред. И.О. Абрамова и Л.Л. Фитуни. М.: Институт Африки, 2016. 150 с.

Володина М.А. Экономические интересы России в Северной Африке // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2017. № 2. С. 103–116.

[19] Квоты для иностранных студентов в России увеличат в три раза. Российская газета. 15.02.2018.

Бамба В. Кот-д'Ивуар и Россия: перспективы торгово-экономического сотрудничества // Азия и Африка сегодня. 2017. № 6. С. 51–54.
Дейч Т.Л. Региональная политика БРИКС в Африке // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2015. Т. 10. № 2. С. 206–228.
Жерлицына Н.А. Россия и Египет: цель – стратегическое сотрудничество // Азия и Африка сегодня. 2015. № 7. С. 4–8.
Корендясов Е.Н. Атомно-энергетический рынок Африки: роль и место России // Азия и Африка сегодня. 2016. № 3. С. 2–6.
Корендясов Е.Н. Военно-техническое сотрудничество России с Африкой // Азия и Африка сегодня. 2015. № 9. С. 9–18; № 10. С. 8–16.
Корендясов Е.Н. Россия возвращается в Африку? // Азия и Африка сегодня. 2015. № 5. С. 2–9.
Лопатов В.В. Проблемы участия России в освоении нефтегазовых и минерально-сырьевых ресурсов Африки // Российский внешнеэкономический вестник. 2008. № 9. С. 49–55; № 10. С. 16–25.
Лопатов В. Россия и Африка: кто кому более нужен? // Мир перемен. 2006. № 2. С. 45–58.
Морозенская Е.В. Внешнеэкономическая политика африканских государств в 2010-е годы: потенциал взаимной торговли России и Африки // Ученые записки Института Африки РАН. 2017. № 1. С. 37–44.
Новикова З.С. Российские телекоммуникационные компании в Африке // Ученые записки Института Африки РАН. 2017. № 1. С. 56–63.
Трофимова О., Щедрин А. Экономические приоритеты отношений России и Африки южнее Сахары // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 43. С. 122–134.
Fidan H., Aras B. The Return of Russia-Africa Relations // Bilig. 2010. Vol. 52. Winter. P. 47–68.
Kuznetsov A.V. Prospects of Diversifying Russian Direct Investment Abroad // Studies on Russian Economic Development. 2017. Vol. 28. No. 1. P. 79–86.
Olivier G., Suchkov D. Russia is Back in Africa // Strategic Review for Southern Africa. 2015. Vol. 37. No. 2. P. 146–167.

RUSSIAN TRADE WITH AFRICA

NEW FEATURES IN THE CONTEXT OF THE "SANCTIONS WAR" BETWEEN MOSCOW WITH THE WEST

ALEXEY KUZENTSOV
Primakov's Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow 117997, Russia

Abstract

The article analyses dynamics and structure of Russian foreign trade with Africa in 2013-2017. It is revealed that the rapid growth of foreign trade with Russia was provided mainly by several North African countries. The study of three dozen African countries shows that the growth of trade turnover is accompanied by large fluctuations year by year in Russian exports – due to the unstable supply of military-technical products, as well as grain, fertilizers, ferrous metals, etc. (and almost every country had its own specifics). In 2017 Russia's exports to Africa were 5.6 times more than its imports from Africa. There are 6 countries in the top 20 suppliers from Africa to Russia that were not included in the top 20 buyers of Russian goods. For instance, Gabon's exports to Russia exceeded the counter flow of goods by almost 46 times, Zambia's exports – by 33 times, Zimbabwe's exports – by 20 times, etc. This means that Russian producers have not yet mastered the markets of many countries that are able to make a solvent demand for imported goods. This is partly due to the low competitiveness of Russian products or the lack of production of goods necessary for Africans in Russia, but also the inability to push suppliers from China, the United States, former European metropolises, and sometimes from neighboring African countries. The novelty of our research approach consists in the analysis of changes in Russia's trade relations with Africa in terms of

direct and indirect effects of the "sanctions war" with Western countries and competitive pressure from China. In general, the inertia of Russian business is observed, which is only now beginning to consider the intensification of relations with Africa as an option to adapt to the "sanctions war" with the West. At the same time, the increase in the price competition of Russian industrial goods due to the devaluation of the ruble and the intensification of imports of African fruits and vegetables had a slight impact on the growth of Russian-African trade in comparison to the intensification of military-technical cooperation, the supply of Russian grain and even produced cars in Russia (including foreign brands).

Keywords:

Russian foreign trade; export; imports; trade in goods; trade in services; Africa; China; European Union.

References

Abramova I.O. (2017). Rossiya – Afrika: vizovi i vozmozhnosti v novih global'nih realiyah [Russia and Africa: Challenges and Opportunities in New Global Realities]. *Aziya i Afrika segodnya*. No. 12. P. 3–7.

Abramova I., Fituni L. (2017). Potentsial afrikanskogo kontinenta v stragegii razvitiya rossiyskoy ekonomiki [Potential of the African Continent in the Development Strategy of the Russian Economy]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 61. No. 9. P. 24–5.

Abramova I.O., Fituni L.L. (2016). "Afrikanskaya delovaya initsiativa" – prakticheskij shag k aktivnomu vzaimodeystviyu Rossii i Afriki ["African Business Initiative" as a Practical Step towards Interaction between Russia and Africa]. *Aziya i Afrika segodnya*. No. 9. P. 2–5.

Abramova I.O., Fituni L.L. (2015). Afrika i Rossiya: perspektivy sotrudnichestva v novykh istoricheskikh usloviyah [Africa and Russia: Prospects of Cooperation in New Historical Circumstances]. *Vestnik Rossijskogo ekonomicheskogo universiteta im. G.V. Plekhanova*. No. 6. P. 141–150.

Abramova I.O., Fituni L.L. (eds.) (2016). *Afrika i natsional'niye interesy Rossii* [Africa and National Interests of Russia]. Moscow: Institut Afriki. 150 p.

Bamba V. (2017). Kot-d'Ivuar i Rossiya: perspektivi torgovo-ekonomicheskogo sotrudnichestva [Cote d'Ivoire and Russia: Prospects of Trade and Economic Cooperation]. *Aziya i Afrika segodnya*. No. 6. P. 51–54.

Deych T.L. (2015). Regional'naya politika BRIKS v Afrike [Regional Policy of BRICS in Africa]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsij: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika*. Vol. 10. No. 2. P. 206–228.

Fidan H., Aras B. (2010). The Return of Russia-Africa Relations. *Bilig*. Vol. 52. Winter. P. 47–68.

Korendyasov Ye.N. (2016). Atomno-energeticheskiy rinok Afriki: rol' i mesto Rossii [Nuclear Energy Market of Africa: Role and Place of Russia]. *Aziya i Afrika segodnya*. No. 3. P. 2–6.

Korendyasov Ye.N. (2015a). Voenno-technicheskoye sotrudnichestvo Rossii s Afrikoj [Military-technical Cooperation of Russia with Africa]. *Aziya i Afrika segodnya*. No. 9. P. 9–18; No. 10. P. 8–16.

Korendyasov Ye.N. (2015b). Rossiya vozvraschayetsya v Afriku? [Russia Is Coming Back to Africa?]. *Aziya i Afrika segodnya*. No. 5. P. 2–9.

Kuznetsov A.V. (2017). Prospects of Diversifying Russian Direct Investment Abroad. *Studies on Russian Economic Development*. Vol. 28. No. 1. P. 79–86.

Lopatov V.V. (2008). Problemi uchastiya Rossii v osvoyenii neftegazovih i mineral'no-siryevih resursov Afriki [Problems of Russian Participation in Resource Exploration of Oil, Gas and Other Mineral Resources of Africa]. *Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik*. No. 9. P. 49–55; No. 10. P. 16–25.

Lopatov V. (2006). Rossiya i Afrika: kto komu boleye nuzhen? [Russia and Africa: Who Is More Important for Whom?]. *Mir Peremen*. No. 2. P. 45–58.

Morozenskaya Ye.V. (2017). Vneshneekonomicheskaya politika afrikanskih gosudarstv v 2010-e godi: potentsial vzaimnoy torgovli Rossii i Afriki [Foreign Economic Policy of African States in the 2010s: Potential of Mutual Trade between Russia and Africa]. *Uchyoniye Zapiski Instituta Afriki RAN*. No. 1. P. 37–44.

Novikova Z.S. (2017). Rossiyskiye telekommunikatsionniye kompanii v Afrike [Russian Telecommunication Companies in Africa]. *Uchyoniye Zapiski Instituta Afriki RAN*. No. 1. P. 56–63.

Olivier G., Suchkov D. (2015). Russia is Back in Africa. *Strategic Review for Southern Africa*. Vol. 37. No. 2. P. 146–167.

Trofimova O., Schedrin A. (2015). Ekonomicheskiye prioritety otnosheniy Rossii i Afriki yuzhneye Sakhari [Economic Priorities of Relations between Russia and Sub-Saharan Africa]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 13. No. 43. P. 122–134.

Volodina M.A. (2017). Ekonomicheskiye interesi Rossii v Severnoj Afrike [Economic Interests of Russia in the North Africa]. *Vestnik Diplomaticheskoj akademii MID Rossii. Rossiya i mir*. No. 2. P. 103–116.

Zherlitsina N.A. (2015). Rossiya i Yegipet: tsel' – strategicheskoye sotrudnichestvo [Russia and Egypt: their Aim is Strategic Cooperation]. *Aziya i Afrika segodnya*. No. 7. P. 4–8.